

ц. 15 к.

Коварский

М.
49 / 475
Див. 2.

А. Радакова

2

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА

1927

СМЕХАЧ

ИЗДА ГИЗ

М. КОВАРСКИЙ

Г. П. Б.
1927.

49/1175-2

РАССКАЗЫ

1180/13

ИЛЛЮСТРАЦИИ А. РАДАКОВА

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „СМЕХАЧ“

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ ТОВА. ЗИНОВЬЕВА

Изд-ства «Ленинградская Правда»
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 27259.

Печат. 40.000 экз. 4 л. Зак. № 5593.

1927 г.

КИНО-РАБОТНИК

— Что значит, кто я, и что значит—откуда? Портреты мои не висят на стенах исполкома, и в городе, где я живу, памятник мне ставить никто не собирается... А что такое город, в котором я живу? Это, если я буду преувеличивать, большая дыра а если у вас есть сапоги до колен, так пойдемте гулять осенью по нашим улицам, и вы будете по пояс в грязи... Что? Моя профессия? Я—кино-работник! Ну, и что из этого, что у меня борода? Когда человек сам с усам, так он и с бородой может быть артистом! А на бороде у моих земляков всегда остаются куски пищи, и по этим следам вы видите—обедал человек сегодня или нет. Так на моей бороде еще застрял кусочек курицы. Я, слава кино-богу, могу еще цепляться за цыпляток и кушать их.

Как я стал кино-работником? Извиняюсь... До Октябрьской революции, в моем городке на Украине, кто не знал Давида Глускина? Вы думаете, я был генерал или, не дай бог, богач? Нет! Я просто имел мелочную торговлю... Но торговля была собственная, и жена была собственная, и домик из одного окошечка,

через которое не всякий воробей мог влететь, тоже был собственный!

А когда вместо копеек у меня в кармане появились миллиарды, и когда я стал то худеть, то пухнуть от голода, и когда Петлюра и Махно полюбили посещать синагоги не только по субботам, но и в будни, я сидел в чулане и говорил жене:

— Если бы и я, Давид Глускин, организовал банду, так бы ты в чулане не пряталась!

Но и это прошло... Началась мирная жизнь... Я стал оглядываться, что делать. Открыть снова мелочную торговлю? Фе! Что для меня за дело конкурировать с государством? Поступить на службу? Так, извините, я не такой человек, чтобы сидеть с утра до вечера на одном месте и писать... Это занятие для молодых—сидеть и писать. А пожилой человек, как я, должен бегать, а не сидеть, когда семья голодная... А писать? Я и по старой грамматике не умел особенно, так откуда же по новой?

И я стал ждать...

Вы спрашиваете, как может ждать бедный человек, когда ему хочется есть?

Так позвольте вас спросить, если бы я не ждал, мне бы есть не хотелось?

То же самое! Словом, жду!

И случилось... Однажды в маленький наш городок приехали люди в полосатых поло-

тенцах вокруг шеи и сказали, что они кино-работники, и что они будут изображать Петлюру и гражданскую войну, и что им нужен будет маленький домик, где они должны в шутку выпустить немного пуха из перины и устроить маленький пожар, который через

секунду после с'емки будет кончен; и домик не пострадает, и за все будет заплачено.

В душе я улыбнулся и благословил власть, что, слава богу, я дожил, что за распоротые перины дают деньги, вместо того, чтобы получать их, и еще за то, что у нас есть кино, которое думает о бедняках...

И вы не можете себе представить, как радовались моя старая жена и я, когда эти кино-работники подожгли наш домик, и когда они не могли потушить пожара; я понял, что

ждал не напрасно, и что борода моя принадлежит мудрому человеку.

Что? Вы не видите чему здесь можно радоваться? Смешняк, дитя! Вы думаете, что в маленьком городке не знают, что такое наше кино? Вы думаете, я на минуту сомневался в том, что им не удастся потушить пожара, когда я живу на самом пустыре, где нет колодцев и воды? Ой, не даром я за всю свою жизнь не собрал и трех рублей, чтобы выко-

пать колодец! А ветер в ту ночь был тоже ничего...

Вы все еще не понимаете? Ребеночек! Накануне с'емки я же бежал, как дикарь, в Госстрах, чтобы внести последние гроши

за страховку моего особняка, в случае пожара, в 1000 р.

И я вам говорю: наше кино—великая вещь! И когда мы приедем в Москву, я отблагодарю все киноорганизации... Знаете, что я сделаю? Я пойду первый раз в своей жизни в иллюзион!

ПОЛОВАЯ ДИСКУССИЯ...

У входа в клуб висела огромная афиша: „Муж и жена. Дискуссия о взаимоотношениях полов. Докладчик В. Гришин. Вход свободный“.

А внутри, в помещении сотни курчавых и взлохмаченных молодых рабфаковцев и комсомолок, тесно прижавшись друг к другу, слушали, не отводя горящих глаз, слово великого ученого. Пламенная горячая речь его проникла прямо в душу... Он говорил:

— Литература до революции рожала Арцыбашевых. Самец требовал у самки подчинения. Ведь, это была его самка! Не человек, а вещь... Собственная вещь, которую можно поставить куда-угодно и гладить, когда угодно. Но время изорвало в клочья сотни тысяч страниц прежних законов Дикаря... И с этими страницами были уничтожены листки бульварных романов тупых писак...

Тело? Мы знаем, что нет богов, давших его, и презираем людей, которые думают, что чужим телом можно обладать вечно... Верность не есть каторжная окова. У свободных людей оковы уничтожены. Не смейте же заковывать чувство, ибо чувство—прекрасная

птица, которая сегодня здесь, а завтра там. Любите, пока любится! Требуйте любви, пока она сама идет навстречу! Сила нужна для жизни... А для любви нужно только искреннее желание.

Докладчик замолчал. Сотни людей аплодировали... Хотели было качать, но пожилой оратор быстро сложил портфель и ушел.

По дороге Гришиным овладело беспокойство. Вот уже третья неделя, как его молодая жена жалуется по вечерам на головокружение и хандру. Все вечера проводит дома, в постели.

— Надо будет позвать врача все-таки, — решил Гришин, придя домой.

Дома, как это ни странно, он застал жену, во-первых—на ногах, во-вторых—веселую, а в третьих—рядом с ней сидел молодой инженер Ланге.

— Лена! — недовольно сказал Гришин, — если ты не больна, почему же ты не могла пойти со мной на доклад? Успех был чрезвычайный...

— Ты же знаешь, что у меня головокружение, а там в духоте...

Ланге захохотал:

— Вы, Владимир Иванович, должно быть, здорово вскружили голову своей жене; у нее раньше никогда головокружений не было!

Гришина рассердил развязный тон молодого спеца.

— А вам, уважаемый, тоже не мешало бы послушать то, что я говорил. От вас так и пышет условностями прошлого...

— Ну, это вы бросьте, — весело ответил франтоватый Ланге. — Я вполне разделяю ваши взгляды о верности, о любви. Как же-с, я помню, как однажды вы сказали: „Требуйте любви, пока она сама идет навстречу“. Я всецело сторонник ваших теорий.

Гришина улыбнулась:

— А почему, Володя, ты меня никогда не посвящал в свои истины?

Владимира Ивановича определенно стало раздражать, что жена чувствует себя сегодня совершенно здоровой... С чего бы это?

— Тебя посвящать? А ты просила когда-нибудь? Каждый вечер ложишься и ноешь, что тебе скучно, что ты больна! Это, я вижу, молодой инженер только может тебя развлечь... Правда, очень странно—Гришин сделал ударение на „очень“, — что он развлекает тебя тогда, когда меня дома нет...

— Что вы хотите этим сказать?—спросил нараспев инженер.

— А то, что я прошу вас не посещать моей жены, когда меня нет дома. Приходит, как вор, когда нет хозяина; вышвырну вас, погодите!

Инженер подошел к Гришину и грозно спросил:

— Что-о?

— Ланге, умоляю вас, не трогайте этого старого ревнивца,—закричала Гришина.—Он просто ревнует; где ему драться с вами, с таким атлетом?

Инженер, ни слова не сказав, ушел.

Через минуту Гришин оправился от испуга и, погрозив куда-то кулаком, сказал:

— Ушел... Хорошо, что ушел... Я... я... я... уничтожил бы его... Но, увидав насмешливое лицо жены, весь как-то с'ежился и тихо спросил:

— Леля. Скажи мне... Только правду... Ты не бросишь меня? Я так одинок...

ПИСАТЕЛЬ..

— Нет, я положительно не знаю, как быть!—со слезами в голосе сказал беллетрист Ранетов.—Раньше я знал, на что публика набрасывается и чего не переваривает. И я кормил ее на убой... Я не писал романов, я пек их! И, черт возьми, они раскупались, как калачи... В тот же день!

— А теперь что?—спросил Костин, друг Ранетова.

— Теперь, милый, кому нужны они, эти лирические строки: „Ее коралловые губки слились в единый аккорд с его энергичными, как шторм, резкими губами...”

— Пошел бы ты на смерть ради меня?—спросила княгиня Эллен, но тут же сама увидела, что ответ на ее вопрос не нужен, ибо шторм не задумывается, шторм не штиль! Он ураганно уничтожает все на своем пути... Он—стихия“...

— Ну скажи, какой ГИЗ предложит мне за эти архибуржуазные строки что-нибудь, кроме мягкого или резкого отказа... Нет, я погиб!

— А почему бы тебе не попробовать писать из рабочего быта?

— Вот об этом я и говорю с тобой! Я пробовал. И на первой фразе я спотыкаюсь,

как слепой осел. Я бегаю в Публичную библиотеку и читаю описания литейных, но это дьявольски трудно разбираться в чертежах, где

пунктиры и сплошняк. Я посещаю знакомых инженеров...

— Что ты мелешь?—зачем это? Ты же бытовик, а не составитель справочника металлиста?

— Бытовик! — злорадно захохотал Ранетов.—А первая фраза моего бытового романа из рабочей жизни: «Литейщик Прозодежов вынул свою мозолистую руку из мартеновской печи и сказал: пора кончать обжиг». Так-с! Написать-то просто, и вдруг сотни мыслей начинают прыгать в моей голове: А какова температура печи? А может быть обжиг металла производят не в Мартене, а в вагранке? А вдруг все это делает кран, а не человек?

И я срываюсь с места, и звоню в тресты к знакомым спецам. Но одни меня посылают к чорту, другие окольным путем советуют мне обратиться не к техникам, а к врачам, а третьи начинают об'яснять, но так нудно, что я бросаю трубку, ничего не узнав.

— А из крестьянской жизни? Там нет всей этой механики... Там только соль земли, этакое черноземное прозябание... Там проще!

— На, выкуси, проще. Лемеха и трактора... Когда они эти яровые бывают?

Вот фраза, из-за которой я чуть в один совхоз не с'ездил:

„Рано утром Пахом пошел боронить луга, ловким движением взвалив борону на спину»...

— Нет, нет, проклятый мы народ... Десять лет я изучал выкройки дамских платьев и все! Попробовал я изучать быт рабочих в пивных, но кроме „ик“ и „мать“ ничего не получалось... И будущее мое—отчеты о телеграммах и умерших на последней странице газеты...

— Позволь,—вдруг засмеялся Костин...— А что, если подарить все твои княжеские губки и розовые тела—народу? Что, если ты попробуешь последнее средство спасения перед тем, как окончательно утонуть?

Ранетов задумался... И вдруг, просветленный, горячо пожал руку Костина. Через месяц вышел новый роман Ранетова: „Под синей блузой“. Был ли доволен сам Ранетов своим романом,—неизвестно, но вот что писали суровые критики:

„В новой вещи заглохшего было на время революции Ранетова приятно констатировать сдвиг. Он отказался от прежних своих туалетов модных кокоток и занялся бесхитростной блузой комсомолки... Той самой блузой, под которой бьется красное, как революция, и буйное, как она, сердце.

Очевидно, недаром молчал Ранетов столько лет, он учился. И экзамен им сдан на-весьма!

Приводим наиболее яркое выражение чувства любящей комсомолки к своему избраннику, члену ВКП (б) с 25-го года:

Ее коралловые губки слились в единый аккорд с его энергичными, как шторм, губами...

Пошел бы ты на смерть ради меня?—спросила комсомолка, тряхнув задорно челкой. Но

ответ был лишним, ибо шторм не задумывается! Шторм не штиль! Он уничтожает все на пути своем. Он—стихия!»

НИНОЧКИНО СЧАСТЬЕ.

Расставаясь вечером с женихом, служащая Загса Ниночка Зубкина нежно сказала:

— До завтра... Ты придешь ко мне на службу, и мы повенчаемся... Может быть нам удастся вне очереди...

Жених посмотрел влюбленно и сказал:

— Лучше бы вне очереди... А то все ноги отстоишь, ожидая. И откуда только столько дураков брачущихся берется?

На этом попрощались.

С десяти часов следующего дня Ниночкин жених старался изо всех сил пробиться сквозь толпу к столу своей невесты. Но толпа недовольно гудела:

— Эй, вы! Освободите нам барышню... Тут люди венчаться пришли, а они без очереди к барышне прутся... Прогоните, барышня, нахала! Он без очереди к вам полез.

Ниночка краснеет и смущенно говорит жениху:

— Станьте в очередь, товарищ!

Жених ругает Загс и его порядки, но все-таки в очередь становится. А Ниночка, уже забыв о том, что через час в ее жизни про-

изойдет что-то очень серьезное, быстро и деловито спрашивает посетителей:

— Национальность? О здоровьи осведомлены? Следующий!

Когда очередь доходит до жениха, он раздраженно говорит:

— Неужели нельзя было вне очереди? Тебе хорошо: ты сидишь, как барыня, а мне, изволь, в хвосте дураком торчать... Главная ты заправилиха тут, а такой мелочи выхлопотать не могла!

— Не сердись! Они все здесь такие злые—эти любящие. Все спешат повенчаться, А потом не дождутся очереди, когда развестись.

— Довольно там шуры-муры вертеть! Здесь вам не дом отдыха, а учреждение. Может, у человека и времени венчаться нет, а они там своими делами заняты,—раздались вдруг голоса.

— Как ваше имя, отчество, фамилия?—обращается Ниночка к жениху.

— О, чорт! Как это глупо!—сердится жених.—Неужели забыла?

— А вы, гражданин, не выражайтесь! Чертей тут нету, а есть брачущиеся! А вы еще с красоткой на алиментик наскочите!

Ниночка бледнеет, но не имеет права вступить за жениха, который здесь только посторонний посетитель. И она продолжает:

— Ну, не стоит сердиться! Ну, скажи мне, осведомлен ли ты о моем здоровьи?

— Здоровье?—ворчит жених.—Пришел здоровым, а сейчас вы своими очередями все нервы из меня вымотали.

— И это в первый день... такие упреки,— говорит сквозь слезы Ниночка.

— Барышня! Да гоните вы этого внеочередного болвана! Чиво это он здесь один окалачивается? На самом себе, что-ли, женится?

— Фу, дьявол!— не выдерживает жених.— Можешь сама тут венчаться! Да-с!

И уходит.

Ниночка вытирает пару слезинок и, глядя на уходящего жениха, бормочет, как попугай—

— Следующий, граждане!!!

СЛАБЫЕ СЕРДЦА.

— Джон! Джон! Ты не бросишь свою маленькую Кэт?

— Китти, ну к чему говорить о расставании? Мы—одно целое... Утренние лучи горячего солнца будят нас одновременно: проходит день, полный суеты, и с закатом мы оба засыпаем... Наша жизнь только всходит. Мы проживем ее вместе и одновременно угаснем...

— Джон! Джон! Ты не изменишь мне, скажи?

— Китти! Мужское сердце—это трубка курильщика! Пока на дне ее дымится табак, она горяча. Пока ты, моя маленькая Кэт, греешь мое сердце, оно горячо, как трубка, как вся моя любовь.

— Джон! Джон! Ты верен мне?

— Китти! Разве можно есть чечевичную похлебку после сладкого холодного пломбира? Разве может удовлетворить меня любовь чужой женщины после твоей?

Прошло три года...

— Джон, Джон! Ты не бросишь свою маленькую Мод?

— Мод! Ну к чему говорить о расставании. Мы—одно целое (см. выше).

— Джон, Джон! Ты не изменишь мне?
— Мод! Мужское сердце — это трубка
(см. выше).

— Джон, Джон! Ты верен мне?
— Мод! Разве можно
есть чечевичную (см.
выше).

Я знавал Джона. Это
крепкий англичанин ше-
сти с половиной футов.
У него прекрасные муску-
лы. Я думаю о нем боль-
ше, чем он того стоит, и
вот почему:

— Александр Иваныч!
Из Лесоцентра пришло тре-
бование на токарные стан-
ки. Просят 10 шт. в кредит...

— Не отпускать! Мы
не можем разбазаривать
машины, чорт знает куда.
Небось, нам в кредит они
не дали бы! Что они все
думают? Что им Маштрест,
богадельня, что-ли?

— Александр Иваныч!
Там представитель Цен-
тровода требует неустойку за невыполненный
заказ на крышки цилиндров.

— Что? Неустойка? Ни копейки. Что мы
им Клондайк? Золота, что-ли, у нас кучи не-

сметные? А они нам транспортируют аккуратно? Так и скажите.

— Александр Иваныч! Из Губфинотдела описывать пришли за пени с 1924-го года.

— Это дудочки! Не посмеют... Мы работали в 24-м году в таких условиях, что пусть благодарят, что хоть что-нибудь получили. Пени? А кругом сырья не было, спецов искали, а им пени еще! Гоните к чорту!

Прошел год.

— Александр Иваныч! Из Маштреста требуют деньги за отпущенные нам в кредит десять станков.

— Что еще за деньги? Ну и рвачи в этом Маштресте! Это все Переборкин там старается. Скажите им, что наш Лесоцентр не Алдан. Заплатим, когда будет. Небось, 6000 кубов дров они не стеснялись спросить в кредит! Живодеры!

Прошло полгода.

— Я, представитель Центровода Александр Иваныч Дуденко, категорически прошу вас заплатить неустойку за крышки! Ваш Маштрест должен нам кругом. Мы не Рокфеллеры! Деньги у нас не валяются. Извольте немедленно заплатить. А то мы сунемся, куда следует. Ваш трест и Лесоцентр совершенно не учитывают порядков! И что у вас за люди?

Прошло еще три месяца. В приемной финотдела горячий спор.

Представители Маштреста, Лесоцентра и Центровода горячо убеждают:

— Ну, Александр Иванович! Ну, поймите. Ну, что такое пени? 24-й год! Давность - то какая! Плюньте, вычеркните!

— Что? Вычеркнуть? Губфинотдел не Клондайк! Золота у нас не горы великие! Если вы не заплатите, мы в суд подадим. И что у вас за люди, торгуются, как на рынке. Сказано платить—платите.

.....
Джон! Джон! Ты любишь свою маленькую Лизи?

Впрочем, что-же это я. Это, кажется, уже было... Ладно. Точка.

ЖЕНИХ

В маленькой душной комнатке было 15 человек гостей. Ничего не поделаешь, Москва! В тесноте, да все ж в столице! Гости вели шумный разговор... Среди разговора в комнату вошел довольно мрачный гражданин в очках и толстовке и, обойдя всех по очереди, громко представился:

— Нач. Жилотдела Уткин, Нач. Жилотдела Уткин,

— и так столько раз, сколько протянутых рук он встречал на пути своем. Кончив эту операцию, Уткин подошел к висевшему плану Москвы и внимательно, спиной к гостям, стал его рассматривать.

Три молодых девушки—Оля, Нина и Катя, как зачарованные, посмотрели на эту сутулую спину перед планом Москвы, и мысли, как бешеные тараканы на плите, запрыгали в трех светлых головках.

— Нач. Жилотдела! В его руках все комнаты, все уголки, все дворцы...

— Нач. Жилотдела! Своими руками он подписывает приказы о вселении и выселении...

— Нач. Жилотдела! Он уплотняет... Он разрушает... Он создает...

Три молодых девушки, сообразив что-то важное, с разных сторон, как бы невзначай, подошли к хозяину и мимоходом тихо спросили:

— А он, этот Уткин, вообще, холост или уже не холост?

Шесть глаз с дикой надеждой уставились на хозяина... И каждой девушке симпатичный хозяин сказал:

— Холост, как патрон! Убежденный холостяк!

Толстоногая Оля и Косая Катя—загрустили!

— Убежденный холостяк, ведь это тот сорт людей, для которых нужны какие-то новые красивые чары... Куда ей, бедной Оле, спрятать свои слишком физкультурные ноги, а ей, несчастной Кате, — свои, стремящиеся прыгнуть на нос, некрасивые глаза? И только третья девушка самодовольно улыбнулась: он будет моим!

И в то время, когда Оля и Катя с ужасом думали о том, что опять придется спать в одной комнатухе со счетоводом Азбуковым, который всю ночь болтает вздор о каких-то активах, слушать весь день писк из шкафа двух близнецов — Октября и Октябрины, — в это время хорошенькая Нина подошла к Уткину, и между ними завязался разговор.

— Что же это вы, всемогущий, избегаете общества? — спросила Нина.

— Ну уж и всемогущий! — со скромной улыбкой ответил Уткин. — Я всемогущий только у себя в отделе...

А потом скромно добавил:

— С женщинами я — наоборот!

Хи-хи, — кокетливо засмеялась Нина. — Живя одному в трех комнатах, можно было бы иметь более широкие взгляды на женщин.

— Не в трех, а в пяти, — вежливо поправил Уткин; — но, увы, женское сердце — не квартира! Оно часто не требует уплотнения.

— Ах, что вы, что вы? Это только у бессердечных женщин...

И потом добавила:

— У брюнеток!

Машинально посмотрел Уткин на светлую головку Нины и, покраснев, сказал:

— А у вас сердце есть?

Нина покраснела тоже. Воцарилась секунда молчания, и Нине сразу стало ясным, что отныне она может играть на рояли весь день, не боясь, что сосед-металлист обругает ее сволочью; что отныне сундук с вещами снова станет сундуком, а не кроватью, и что жизнь — это игра, увлекательная и прекрасная... А четыре завистливых глаза подруг еще более уверили ее в этом.

Провожая Нину домой, Уткин нежно гладил ее руку. Прощались долго, и на прощанье Уткин сказал:

— Ниночка, светик, ты говорила, что у тебя рояль есть, так вот надо будет завтра узнать, сколько ломовой возьмет, чтобы отвезти рояль на вокзал...

Ниночка улыбнулась.

— Разве в свадебную поездку берут с собой рояль? Милый, что ты?

Уткин торжественно произнес:

— Волей судеб моя обратная командировка в Чугуев и будет моей свадебной поездкой!

Нина побледнела.

— Какой Чугуев? Что за командировка? Ведь вы Нач. Жилотдела...

— Милая, ясочка, да! И с завтрашнего дня ты будешь женой Нач. Чугуевского Жилотдела при Чугуевском Уисполкоме!

— Вы наглый интриган! — заплакала Нина и, злобно вырвав свою руку, убежала, и через минуту темнота столичной ночи поглотила ее.

НЕОЖИДАННОСТЬ.

— Владимир! Ты?

— Борис! Боря!

— Сколько лет?

— Десять ровно...

Два человека тут же на улице крепко расцеловались.

— Ну как ты, Боря, живешь? Что подделывал все эти годы? А ты осунулся как-то...

— Как живу? Обыкновенно, как все... В царскую—воевал, в гражданскую тоже самое... Под Сарапулом ранен был... Три тифа, малярия, потом...

— Да, да, страшно интересно! А я вот не воевал и в тифу не лежал. Не таковский! Впрочем, кажется, я с детских лет был не то „везучим“, не то „ловкачом“... А ты, я помню, ужасно скромным был! И притом, твоя честность тебе дико вредила... Я ясно себе представляю, как в гимназии ты в мундирчике получаешь кол, за то, что не хотел подсунуть чужую задачу.

— Да-с. Гимназия... Чистые мундирчики, и сразу после них в чистые окопчики. Восемнадцати лет я на фронт попал. И сразу помню...

— Брось вспоминать! Попили кровушки. все знаю! А вот я решил сразу, что война— это нечто такое, от чего люди портятся. Я, брат, заменил немецкий чемодан крокодиловым и катался с белым билетиком...

— Да ты я вижу вообще не из зевающих... И нынче под нэпмана одет...

— Чудак! Так я же нэпман и есть. Патентованный... Два условных приговора и три года. Нынче, сам знаешь, впрочем, ты не делец, куда пойдешь без „мерси“? А я ведь всюду свой человек... Иной раз прямо ни за что даешь. А потом тянут... Сам понимаешь, ГПУ не спит!

Такому-то давали? А чорт его знает, кому давал, кому не давал. Если встречался, стало-быть давал... А иногда забудешь, кому дал, и искренне говоришь: не признаю! Так порой с рук и сходит.

— Однако, ты откровенен...

— Боренька! С кем же мне откровенничать? Не с агентами же ГПУ? Милый, ведь ты единственный мой друг... Ведь я к тебе и за советом готов притти. Ну, правда, ты не коммерсант; я знаю, ты больше археологией интересовался, но, все-таки, как ты посоветуешь... Понимаешь, здесь в Откомхозе есть такой дядя, Захаркевич, не слыхал? Требует за аренду! А мне это дело его помощник провел. Того я и отблагодарил... Теперь Захаркевич просит! Как быть? Дело

конченное! Закон обратной силы не имеет... Однако Захаркевич—сволочь. Хоть дело и конченное, однако гадить может. Вот и не

знаю... Сказать-ли помощнику, чтобы поделился с Захаркевичем, или самому Захаркевичу предложить отобрать у помощника.

Посоветуй. Ну, и сволочи же. Прямо хоть жалуйся.

— А ты и пожалуйся,—улыбнулся друг.

— Кому? К прокурору не пойдешь. С такими то делами от прокурора лучше подальше...

— А ты думаешь, пом. прокурора удобнее на эти дела жаловаться?

— Чудак. Ты, кажется, забыл, где живешь. Это же одна компания!

— Пожалуй, что так... Однако, вот ты жалуешься!

— Ко-му я жа-луюсь?—неуверенно спросил Владимир.

— Да мне же; я пом. прокурора!

— Ты? Вы? Помпрокурора. А... А... А-археология как?

— Археология? Бросил... Чушь. Чем в этой древней дряни копаться, я предпочитаю копаться в более современных делах...

— Гы-гы. Это вы остроумно сказали. А я то дурак вру и не краснею. Все, думаю, живут, как люди, богатеют, отчего и мне пыль в глаза не пустить? Пусть Борис думает, какой Володька ловкий... А Володька последнюю рубаху продал! А Володька без службы! Эх! А помнишь гимназию, мундирчики?

— Так что ты все врал,—улыбнулся Борис.—Ну ладно, пойду,—досвиданья!

— Не досвиданья, Борис! А прощай! Где нам бедным сошкам с вами встретиться. Вы все на заседаниях, собраниях, а мы ищем хоть за 70 целковых местечка, хоть в от'езд, хоть на луну... Где уж нам встретиться?

— Как знать, может-быть встретимся,— загадочно сказал Борис.

А небо было пасмурное...

СЕКРЕТАРША.

В центре большого столичного города находился этот ресторан... У входа стоял швейцар, у кассы хлопотала кассирша, а на эстраде извивался скрипач... Ежегодно менялась вывеска ресторана, менялись швейцары, кассирши, скрипачи. Ресторан из рук ЕПО переходил в частные, из частных—обратно в ЕПО... Но что бы ни случилось, ежедневно, после первой пробки, откупоренной по цене „после 9 ч. веч.“,—в зал входила в светлом пальто, годном на все сезоны и демисезоны, наивная реклама дешевок ТЖ, знакомая всем посетителям,—девушка, женщина, барышня, дама, ах, не все ли равно,—Тося!

Тося? Ну да, та самая Тося, которая любит пить водку из фужера, подливая в него пиво только для цвета. потому что в ресторане этом крепкие напитки, в отличие от крепких слов,—не разрешаются...

Тося любит также анекдоты, которые рассказывают ей люди в кэпках, кубанках, шляпах, фуражках и капитэнках... Тося, вообще, любит все шумное, буйное, веселое и бестолковое. Звон тарелок, барабана, сливающийся

со стуком ножей об обыкновенные тарелки, звук разбитой бутылки о мрамор столика, сухой треск пощечины и хохот, веселый, пустой и визгливый... Тося умеет хохотать громче всех других посетительниц.

А, между прочим, вся Тосина суетливость напускная... Черта с два, ей хочется шуметь! Вот уж третий год, как Тосе до смерти надоели ее вечера; анекдоты не веселят Тосю, потому что собеседников у нее больше, чем анекдотов в мире, и еще потому, что все эти кутилы и растратчики швыряют свои деньги на табло, лихачей и ресторан, а у нее, Тоси, боты попрежнему рваные...

Да, Тося—карьеристка! Она знает, что „дни за днями катятся“, что „бубна звон“ в конце-концов умолкает, что „не надо встреч“ случайных и странных. Под скрипку извивающегося маэстро Тося часто мечтает о другом. Она верит, что истоптанные ботики совершат когда-нибудь чудо и, вместо избитой сотнями подошв дороги в ресторан, приведут ее в шикарную квартиру зава из какого-нибудь большого треста. Быть женой зава — это Тосина мечта! Да зачем женой? Пусть у зава будет другая, настоящая, Загсовая; но сколько их есть счастливых девушек, кутающихся в пушистые, гуталинового цвета меха, заходящих в шикарные магазины узорчатого белья, того самого белья, которое никогда, ни при каких условиях не

мнется, не рвется и не пачкается в зеркальных витринах...

Тося давно отчаялась попасть прямо из ресторана к заву. Молодые люди в кэпках и кубанках дальше соломинки, к мазаграну, не идут. За эту соломинку утопающей в пиве Тосе тянуться не расчет! Но есть план. Тося станет службисткой, секретаршей зава... Секретарша, умеющая хохотать звонче всех ресторанных девушек, знающая сотню анекдотов и пьющая ерша из октавы напитков,—такая секретарша будет иметь все. Таких не много!

У Тоси отложено 37 рублей на боты... Напротив Тоси сидит Семен Семеныч...

Семен Семеныч не похож на молодых людей в лихих финках... Семен Семеныч — солидный гражданин, у него есть связи во всех учреждениях, его слово — слово...

— Семен Семеныч, — серьезно, впервые за все существование ресторана, шепчет Тося. — Не идет в меня больше пиво, хочу я трудящей стать. Все износила; устройте меня, ведь у вас всюду приятели... А что я вам подарю на память за это — так прямо сил нет сказать!

Семен Семеныч жалеет Тосю. Он задумчиво вертит фужер и говорит:

— Ладно, постараюсь — у меня приятелей — тьма! В чем дело?

— Ах, Сеничка, я ведь почти всю молодость в гимназии провела, опять же память моя, как пиво, светлая; устройте меня секре-

таршей к Заву куда-нибудь... Я ведь и насчет языков не плоха, — фантазирует, увлекшись Тося...

И, действительно, не соврал Семен Семеныч... Все сделал, что надо и через несколько дней Тося бегала уже по учреждению из комнаты в комнату, заполняя вступительные анкеты и трепетно ждала приезда Зава из командировки.

А Семен Семенычу Тося такой портсигар подарила, что прямо прелесть... 37 рублей с ботиков ювелиру отвалила...

И настал день... Скорый поезд привез Зава на вокзал, сорокасильный „Бенц“ в трест, шикарный лифт — в кабинет... Губки у Тоси в этот день были еще ярче, чем в ресторане; острые ногти не уступали им в цвете, а черные подведенные глаза колоритным пятном выделялись на снежном фоне щек...

Услышав легкие шаги спешащего Зава, Тося застыла в сказочно-красивой позе.

Наконец, дверь открылась, и в комнату деловой походкой вошел Зав с портфелем в руках.

Руки у Тоси задрожали... Мечем пронзила Тосину голову мысль о том, что опять придется трепать умершие рваные ботики... Прощай квартирка, меха, белье!

Увы! Зав оказался женщиной, молодой, здоровой, в кожаной тужурке — женщиной.

И кто был в этом виноват — неизвестно!

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ.

Это начинается приблизительно 29-го марта... В разных частях великого необ'ятного СССР в этот знаменательный день какие-то молодые люди сосредоточенно сидят за столом и сжав свою бедную голову, думают...

О чем? Конечно, об одном думает в этот день голова признанного домашнего остряка-самоучки... Только об одном заботится мысль, блуждающая, как в лабиринте, в извилинах мозга.. А именно, о следующем:

— Как бы это получше, позаковыристее, потоньше промистифицировать Анну Ивановну Кошкину или обмануть Софью Львовну Бернштейн в день первого апреля!

... Передо мной календарь... В нем 365 листков одинакового размера, напечатанных одинаковым шрифтом. И, однако, один из этих листков безумно отличается от остальных. День, обозначенный условно „Первое апреля“, избран всеми и везде для того, чтобы безнаказанно, безгрешно, беспричинно, но обязательно солгать... Но какая это трудная, дикая повинность! Как неповоротлива в этот день человеческая фантазия! Как по-

хожа пудовая первоапрельская шутка мрачного холодного Мурмана на легкую, но такую же тупую остроту знойного южного берега Крыма. Милое, бестолковое, глупое человечество, наморщив лоб, собрав все му-

скулы свои и всю энергию свою и крикнув для дружного усилия: „Эй, полундра, первое апреля, начинай“—пробует:

— Гы, гы! А ваша матушка только сейчас от рыбного отравления померла.

— Хе-хе! А рукавчик-то у вас в известке! Где это вы, батенька, так успели?

— Хи-хи, барышня! У вас, извиняюсь, на нижней юбке окурок Сафо примечается.

И так из года в год, с первым весенним солнышком, взрывается снаряд условного тупого вранья, и осколки этого снаряда безжалостно рушатся на бедные головы... На наши же собственные, несчастные головы...

А все-таки я страшно люблю „Первое апреля“. Я с тоской отрываю ежегодно белый листик календаря, тот самый листик, на котором красуется моя любимая желанная единица. Ибо только в этот день я, безобидный, спокойный гражданин, застрахован от истинной подлости моих ближних.

— Ах, рукавчик запачкан? — хитро улыбаюсь я. — Хорошо, вытру сию минуту!

— Что вы говорите? Моя жена при смерти! О боже, я побегу к врачу, аптекарю, гробовщику, — говорю я, сквозь слезы.

Да, да, первого апреля меня никто не обидит, никто не обманет по-настоящему, по-человечески... Зато я знаю, что в любой другой день, будь это 4-е мая или 7-е августа, ко мне может явиться неизвестная мне сожительница безработного Сизова и с дикими криками наброситься на меня.

— Да, как амуры крутить — так вы все готовы, а как ребятенка невинного усыновить, так вы и узнавать никого не хотите!..

Никогда в день первого апреля кассир Дебетов так удачно не солжет, как во все

прочие дни года. Ну, сами посудите... Дебетов на допросе говорит:

— Что? Я растрачик? Это обида! Это жестоко! Меня ограбили на улице, чуть не зарезали ночью. А то, что я в клубе бывал,

так это об'ясняется тем, что у меня дома холодно, а в клубе тепло... Просто, я туда ходил греться!

Или вот толстый оптовик Кузькин, давно распределивший свою обстановку среди друзей, вводя фининспектора в пустующую „на время“ квартиру свою, говорит:

— Вот, товарищ, поглядите! Здесь когда-то буфет стоял... Пришлось на муку сменять, а кровать тую—на картофельную пищу... Эх, придется мне с протянутой рукой стоять на углу!

Хитрый Кузькин вытирает непрошенную слезу... Никогда Кузькин в день первого апреля не разыграет так хорошо никого.

Вот и все... Телефон прерывает писание фельетона... Милый женский голосок легкомысленно сообщает:

— А вас, дорогой, сегодня сократили!

— Ха-ха! Сегодня—это первое апреля! Я знаю, что голосок врет... Сегодня меня не могут сократить, первого апреля не сократят! А если уж сократят, то, наверно... завтра, второго...

ТАЙНА УПРАВДОМА.

(Последнее дело Холмса).

Когда заговорили о „варягах“, когда стали писать о приезде иностранных спецов в СССР, в туманном Лондоне на Бэкер-Стрит 34 высокий худощавый старик сказал своему другу:

— Ватсон! Я еду в СССР. Согласны-ли вы?

— Холмс! — ответил Ватсон. — Я сочту за честь сопровождать вас...

Через две недели Холмс и Ватсон сняли комнату на улице Карла Маркса в Москве.

Был вечер... Холмс курил трубку, а Ватсон читал что-то скучное о мозговых клетках, когда раздался звонок. Звонили раз двадцать под ряд.

— Ватсон! Начинается интересное дельце, — сказал Холмс. — Несчастный за дверьми дьявольски волнуется, судя по бесчисленным звонкам. Это вступление очень похоже на убийство майора Бриджа в Девоншире...

Холмс открыл двери. Перед ним стояла молодая женщина.

— Сударыня! Не волнуйтесь!

— Почему вы думаете, что я волнуюсь? —
удивленно спросила женщина.

— Семнадцать звонков в течение десяти
секунд — признак душевной неуравновешен-
ности...

— Гражданин! Я бы вас попросила не приставать к женщине зря, тем более, что я мужняя жена. Звоню семнадцать раз потому, что пришла к Зиночке Пушковой, а здесь на бумажке ясно написано: Козлову — раз звонить, Функелю — четыре, Пушковой — семнадцать...

В глазах Холмса загорелся огонек.

— Но отчего вы, сударыня, такая белая если не волнуетесь, и чем объяснить следы крови на вашем подбородке.

Дамочка вынула из ридикюля-чемоданчика зеркальце и презрительно засмеялась.

— Тоже! Суются с замечаниями! Уж и попудриться нельзя. А краска с губ действительно от жары по лицу потекла...

— Ватсон! Где моя скрипка? Т.-е. тьфу! Ватсон, дайте Сафо! Мой любимый табак забрали на таможне... Сударыня, а почему у вас синяк под глазом?

— Господи, вот приставака! Все почему, да почему. В киношке была по профсоюзному — вот и помяли. Ну, нечего мне тут с вами болтать. Пойду!

— Ватсон! Характерное отличие всех трюковых кино-артисток — увечье около глазных орбит. Обратите внимание на эту даму. Коснитесь ее лица.

— Слушайте! Я вам не кино-артистка, и с первого раза не позволю себя касаться. Старые оба, а хуже молодых, нахалы... Я управ-

дома жена; пожалуюсь мужу—вас с квартиры сгонят.

Холмс, услышав незнакомое слово „управдом“, начал быстро шелестеть страницами словаря. Но тщетно. Между словами „употреблять“ и „упустить“—управдома не было.

— Сударыня! Не возьмете ли вы на себя труд раз'яснить нам, кто же, наконец, ваш почтенный супруг?

— Вот позову его, он и раз'яснит вам сам.

— Сударыня! Вы уходите. Но на улице дождь. Скажите № телефона мужа вашего, и я позвоню ему, чтобы он послал кэб...

— Ах ты, нахал, собачий! Послать, говоришь, кэб... А ну, договаривай! Выразаться... Старая гадина! За это теперь сажают.

Холмс посмотрел на Ватсона, а Ватсон на Холмса, и оба смущенно замолчали.

Через пять минут в комнату вошел управдом. От управдома пахло водкой.

— Эт-та вы задирали мою жену?

— Ватсон! Этот человек служит на заводе, где производят спиртовые термометры; я узнал это сразу по запаху, который он передает окружающим...

— Где я служу, это все знают. А вы кто будете, граждане? Где служите?

— Я—Шерлок Холмс. Частный сыщик!

— Частный? Вот хитряга, а небось, как в'езжал, под госслужбисга работал. С чемоданчиком одним в'ехал... Тэк-с! Это стало быть

как частник, за квартиру теперь платить будешь, вот!

— Еще вопрос: а что такое управдом?

— Вот чудачки. Так это же советская теща!

— Ватсон, вы слышите, он—теща! Моя теория о гермофродитах, способных к деторождению,—верна. Где моя скрипка? Тьфу! Дайте Сафо...

Управдому все это начинало надоедать.

— Ваши документы, граждане.

Увидав непонятные буквы, управдом подмигнул Холмсу:

— Л и п а?

— Трубка? Нет вереск!—не понял Холмс.

— Да не трубка, а бумаги-то ваши.

— Вы говорите о новом способе производства бумаги из липовых опилок. Я кое-что написал по этому, будучи в Бомбее.

— Нет, братцы! Неладное это дело. Бомбисты—это элемент неподходящий,—сказал управдом и, заперев друзей в комнате, вышел.

А через час Холмс и Ватсон в сопровождении двух милицейских шагали в Угрозыск. Допрос их длился долго, и хотя отпечатки пальцев и не были похожи на имеющиеся в альбоме, но, судя по тому, как Холмс и Ватсон бойко разбирались в подробностях сыскного дела—все решили, что они старые рецидивисты.

БЕГЛЕЦЫ

Раньше это было просто. Человек в возрасте от девяти до двенадцати лет, желавший бежать в Америку, крал у отца десяток папирос, мимоходом завладевал коробкой из-под гуталина (для ловли жемчуга), вооружался ножом для разрезания книг и, трижды пересчитав свой капитал — семнадцать копеек медью, пускался в далекий путь. Планы у путешественника были ясные: пообедать несколько раз в Америке бизоньими отбивными, прогуляться по льяносам, отрубить у слона пару клыков, пробраться в Океанию, чтобы захватить живьем утконоса, и после всех этих увлекательных приключений вернуться в трюме большого парохода на мешке с маисом на родину.

Теперь не то. Вот, что я слышал недавно в саду, когда два пионера лет десяти беседовали между собой:

— Колька! Бежим в Америку! Интересно, да?

— А что интересного-то? Думаешь, там нашему брату легко? Дудки!

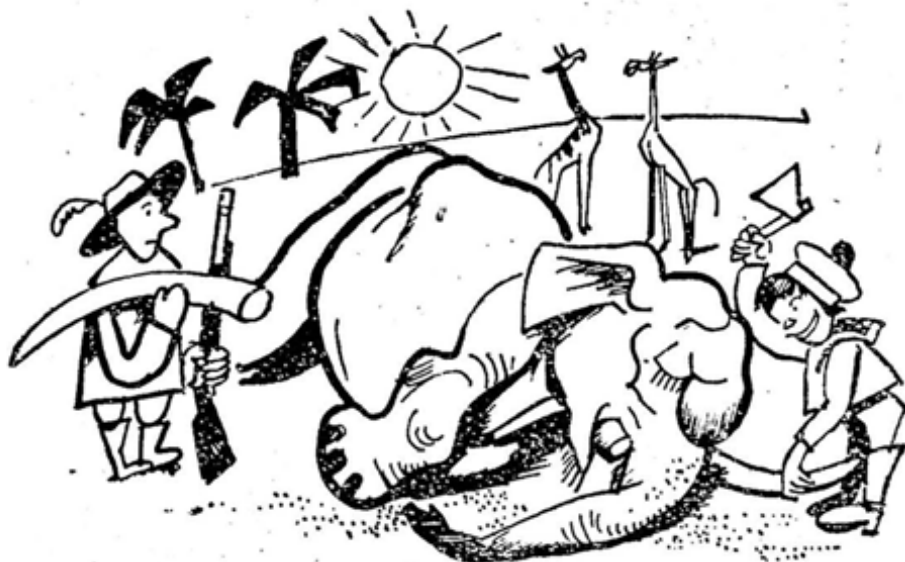
— Ничего. Будем пиратами!

— Дураками будем, а не пиратами. Думаешь, пирату жрать не хочется?

— Ну, и будем кокосовые орехи жрать.

— Не. Не поеду. Из пионеров за это могут выпереть. А к чему мне орехи, скажи, нужны? Одними орехами неинтересно жить, ежели ситного нет.

— Ну, в Индию поедем, если понравится...

— Да отстань ты! Чиво это не сидится тебе? Тоже сказал: Индия. А что в этой Индии? Империализм английский и разгул местных.

— А брамины?

— Брамины! Тьфу! Зачем это опиум нам понадобится? Не надо нам браминов, не надо нам попов!—запел Колька.

— А в Африку побежал бы?

— Ни в жисть! Экономическое положение чернокожих хуже, брат, чем безработных. Там пособия не получишь. Колониальные войска— это оплот капитала! Раз—и нет чернокожего... И пионеру также влетит.

— Колька! А в Америке к Форду на завод попадешь. Ба-альшой завод. Автомобилей-то... Фордзонов... Аэропланов...

— А фабзавуча нет.

— Колька. Поедем!

— Да что ты привязался-то. Как ты поедешь, да на чем? Одна виза-то сколько стоит, а билет, а харчи!

— Так мы же так, без билетов похряем...

— Ну, и поймают... В Зинг-зинге промурыжат до конца жизни... Они, думаешь, не понимают, что мы пионеры,—классовые враги ихние!

— Колька! А хорошо бы на золотых россыпях поработать... А? Я бы себе зуб золотой сделал, как у инструктора...

— А ты думаешь, много золота получил бы? Ни черта - б не получил... Предприниматели разные, синдикаты—те, действительно, в золоте купаются, а наш брат там не золотыми, а собственными зубами с голоду лязгает. Недаром шахтеры бастуют всюду!

— Колька, неужто податься некуда? Неужто так на месте и сидеть?

— Зачем на месте? Пойдем в Нардом на открытую эстраду. Там нынче трансформатор приехал.

— А верно, пойдём!

И они зашагали... Я посмотрел вслед этим мальчуганам. Вспомнил свое детство, как трижды меня, „американца“, возвращали из Стрельны—последний пункт американского путешествия; вспомнил истрепанного Купера, который так уютно помещался в учебнике географии, чтобы учитель не видал; вспомнил свое бешеное желание быть индейцем; вспомнил тысячи эмигрантов, ночующих на бульварах Европы и Америки до тех пор, пока полисмен не прогонит их; вспомнил сотни крупных литературных имен, уже много лет пишущих латинским шрифтом на чужом языке унижительные просьбы о ста франках, и задумался:

— Если бы и они имели психологию десятилетнего Кольки, почему знать, может-быть, солнце так же ласково светило им, как и этому пионеру, катающемуся на Американских горах Нардома, где очень часто смеются, но очень редко плачут...

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

В кабинет к издателю вошел маленький юркий человечек и без всякого приветствия сказал:

— Я изобрел и написал красный самоучитель хорошего тона. Купите.

— Что?— вскочили со своих мест издатель и все служащие.

— Ну да! Надо же в конце-концов нам научиться держать себя, как следует...

— И вы предлагаете опутать граждан условностями старого быта? Современно, нечего сказать!

— Чудак вы! Неужели вы думаете, что я не понимаю, что „хороший тон“ отжил. Я все вижу, все знаю. Но часто я с ужасом гляжу на бедных обывателей, которые не знают, как и когда им следует так-то поступить. И я решил им помочь. Успех будет—невероятный. Слушайте:

Глава I.

Как держать себя в частном магазине? Вы заходите в магазин и сразу обращаетесь к самому толстому продавцу:

— Хе, хе. А животик-то у вас не худенький! На налогах с'экономили?

Продавец смущается и хмуро отвечает:

— У нас, гражданин, все налоги уплачены!

Тогда вы весело начинаете хохотать:

— Ну уж и все! Будто я не знаю! Будто никогда в Финотделе не бываю! Ладно, дяденька. О делах потом, а пока-что дайте сто грамм колбасы.

Смущенный продавец, остановив свой внимательный взгляд на вас, кому-то успеваает еще подмигнуть, и лучший окорок делится на две части, из коих вы получаете большую, платя в кассу сумму, равную стоимости четверки колбасы.

Если почему-либо метод, указанный выше, кажется вам бледным или уже в этом магазине испробованным, рекомендуем другой:

— А, приветствую вас, хозяин!—говорите вы.—Почему это таракан ваш относится к санитарному инспектору настолько безразлично, что смело ползает по тому куску сыра, который мной был куплен вчера?

Глава II.

Как держать себя в коопе? Отбрасывая, как ненужное, обращение к животу завкоопа, ибо живот у него не частный, и налогами

не отращивается, вы, заметив завкоопа, дружески говорите:

— Нельзя, батенька, прикупать к восемнадцати. Так вы весь кооп спустите... Мне же придется потом взгрывать вас.

Завкооп или смутится и заплачет, или нетвердым голосом скажет:

— Так я же уже неделю никуда не ходил! Карты уже неделю, как бросил!

После этих слов вы нанимаете извозчика, потому что самому вам нести всех пакетов, состоящих из тщательного набора вин и закусок, и берете чек для уплаты в кассу. На чеке профессиональной рукой написано: 200 гр. сапес.—13 к., 100 гр. сливмас.—21 к. Итого—34 коп.

Заменить этот метод можно другим:

Вы приносите завкоопу таблицы новых мер усусек для яиц, утрусек для консервов и утечек для зернистой икры и добавляете при этом:

— На-те! 6 заседаний с пеной у рта отстаивал ваши права. Добился-таки!

В остальном—по вышеуказанному: извозчик, чек и 34 коп. в кассу, (подробности см. наш труд: „Бесплатная еда и питье“ т. II).

Глава III.

Как держать себя с женщиной? Женская психология—не кооператив! И здесь, так ска-

зять, кустарная работа (глава II) заменяется филигранной... Обнимая женщину, вы говорите:

— Я люблю тебя, но больше трех вечеров в неделю отдавать тебе не могу, моя крошка!

— Почему?

— У меня по вторникам, средам, пятницам и субботам заседания в суде.

— В су-де?

— Ну да! Я же председатель госкомиссии по делам алиментов...

Если женщина уже заранее подала на вас иск в нарсуд, она тут же побежит в канцелярию, чтобы получить бумагу обратно. Если же не успела, то неуверенно заикнется:

— А сто рублей вы мне дадите, на аборт?

— Зачем? — говорите вы. — Вы придете к нам в тройку, и мы вам дадим наряд на 24 часа!

После этой беседы вы проживете до конца дней своих без малейшего понятия о том, в силу каких идеологических причин рождаются дети. (см. наш труд: „Наслаждение без мучений“, стр. 19).

Далее идут восемь глав, посвященных прочим животрепещущим событиям наших дней. Книга роскошно иллюстрирована образцами мандатов, которые может создать себе любой человек, кончивший школу ликбез. Имеется также несколько схем, в каком по-

рядке надо проводить в жизнь содержание нашего труда.

Это необходимо, т. к. начинающий часто впадает в ошибку, пробуя с места в карьер главу VI: „Как держать себя с незарегистрированной секретаршей ответработника“? что требует очень деликатного подхода. ●

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Кино работник	3
Половая дискуссия	8
Писатель.	12
Ниночкино счастье	17
Слабые сердца	20
Жених,	24
Неожиданность.	29
Секретарша	34
Лучший день	38
Тайна управдома	43
Беглецы	48
Изобретатель.	52

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1927 ГОД НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ И НА БИБЛИОТЕКУ
САТИРЫ и ЮМОРА
(БИБЛИОТЕКА ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ)

„СМЕХАЧ“

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

НА ЖУРНАЛ:	НА БИБЛИОТЕКУ:
ДО КОНЦА ГОДА . 3 Р. 20 К.	ДО КОНЦА ГОДА . 1 Р. 50 К.
НА 3 МЕСЯЦА . 1 „ 70 „	НА 3 МЕСЯЦА . — „ 80 „
„ 1 МЕСЯЦ . . — „ 60 „	„ 1 МЕСЯЦ . . — „ 30 „
ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОР.— „ 50 „	ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОР.— „ 20 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В Конторе „СМЕХАЧА“—ЛЕНИНГРАД,
ПРОСПЕКТ 25-ГО ОКТЯБРЯ, Д. № 88

В Конторе газеты „ГУДОК“—МОСКВА
СОЛЯНКА, Д. № 12, ДВОРЕЦ ТРУДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1927 год
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

„ИСКРЫ НАУКИ“

с бесплатным приложением библиотеки
„ИСКРЫ НАУКИ“

Журнал «ИСКРЫ НАУКИ» всегда удовлетворяет запросам своих читателей, так как редакция периодически устраивает анкеты и таким образом знает, что интересует читателя в данный момент.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ :

на 12 мес. (с янв.)	4 р. 80 к.
„ 6 „	2 „ 60 „
„ 3 „	1 „ 40 „
„ 1 „	— „ 50 „

Для подписчиков «Гудка» — 40 коп. в мес.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ :

Москва — Главная контора газ. «Гудок» — Солянка 12, Дворец Труда. Ленинград — Контора «Смехача» — Пр. 25 Октября, д. № 88. В провинции — во всех почтовых конторах.

Адрес редакции : Москва, Солянка, 12,
Дворец Труда.

2632

